
ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ИДЕОЛОГИЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-12

УДК 32(045)

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Расторгуев Сергей Викторович, д-р полит. наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
SRastorguev@fa.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс «национализации российской элиты», которая представляется как переориентация активов, деловых практик, производства смыслов политической и экономической элиты в контур российских полей взаимодействия. Российская политическая система характеризуется как «государство ограниченного доступа», где акторы политического и экономического поля конкурируют за распределение ренты. Анализируется поворот от легитимных офшорных практик досанкционного периода к мобилизационному варианту формирования элитного консенсуса в условиях «новой нормальности». В качестве факторов «национализации элиты» рассматриваются политические протесты 2012 г. и санкции против России 2014–2019 гг. Доказывается, что интересы государства-аппарата и государства-нации в вопросе «национализации элиты» имеют точки соприкосновения. Анализ активов российской бизнес-элиты в сравнении с бизнес-элитами других стран показывает их приватизационный и рентный характер. Сумма хранимых вне российской юрисдикции активов свидетельствует о недоверии бизнес-элиты к стабильности «правил игры» в России. Данные факторы легитимизируют процесс «национализации» в публичном пространстве. В рамках концепции пучка прав собственности А. Оноре и концепции кодов коммуникации проанализированы теоретические аспекты национализации бизнес- и политической элиты. Ставится проблема возможности «национализации нации» как продолжения мобилизационного сценария.

Ключевые слова: политическая элита; бизнес-элита; национализация элиты; господствующая коалиция; коммуникативный код

“NATIONALIZATION OF THE RUSSIAN ELITE” AS A POLITICAL PROJECT

Rastorguev S.V.,

Doctor of Political Sciences, Professor, Financial University, Moscow, Russia

SRastorguev@fa.ru

Abstract. The article explores the process of “nationalisation of the Russian elite”. “Nationalization of the elite” is presented as a reorientation of assets, business practices, the production of meanings of the political and economic elite into the contour of the Russian fields of interaction. The author characterised the Russian political system as a “state of limited access”, where actors of the political and economic field compete for rent distribution. The turn from the legitimate offshore practices of the pre-sanctions period to the mobilisation version of the formation of elite consensus in the context of “new normality” is analysed. The author considered political protests of 2012 and sanctions against Russia in 2014–2019 as factors of the “nationalisation of the elite”. The author proved that the interests of the state-apparatus and the state-nation in the issue of “nationalisation of the elite” have points

of contact. An analysis of the assets of the Russian business elite in comparison with the business elites of other countries shows their privatisation and rental nature. The amount of assets held outside the Russian jurisdiction indicates a lack of trust in the business elite towards the stability of the "rules of the game" in Russia. These factors legitimise the process of "nationalisation" in public space. Within the framework of the concept of the bundle of property rights by A. Honore and the concept of communication codes, the theoretical aspects of the nationalisation of the business elite and the political elite are analysed. Finally, the author points to the problem of the possibility of "nationalisation of the nation" as a continuation of the mobilisation scenario.

Keywords: *political elite; business elite; nationalisation of the elite; the dominant coalition; communication code*

«Национализация элит» — метафора для словаря российской политики третьего и четвертого президентских сроков В.В. Путина. Следуя традиции Д. Лакоффа и М. Джонсона, определявших метафору как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [1], можно реконструировать процесс национализации политической и экономической элиты России. Авторы и трансляторы метафоры воспользовались экономической терминологией, установив аналогию процесса перехода частной собственности под контроль государства в экономическом поле и процесса добровольно-принудительной переориентации активов, деловых практик, производства смыслов политической и экономической элиты в контур российских полей взаимодействия. В экономике национализация связана с изменением формы собственности, трансформацией отношения людей к вещам, ростом публичного сектора хозяйства. В метафорическом смысле предполагаются изменение и ограничение локализации активов, реконфигурация титулов собственности.

Однако имущественные вопросы представляются видимой верхушкой айсберга. В глубинном смысле национализация элит связана с проверкой на лояльность «господствующей коалиции», как обозначали правящую группировку Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст в работе «Насилие и социальные порядки» [2]. Запрос на проверку лояльности возник в 2012 г. в связи с внутриэлитными процессами и протестным тестированием устойчивости политической системы России, актуализация запроса произошла в 2014 г. на фоне прохождения внешнеполитической точки невозврата. Синонимы национализации — аккультурация, ассимиляция, натурализация — подчеркивают не имущественный, а идентификационный аспект процесса.

Политическая элита определяется на основе синтеза позиционного, рещенческого, репутационного подхода как группа, члены которой за-

нимают высокие должности в государственном аппарате, формально и неформально влияют на принятие политических решений, идентифицируются экспертами в качестве статусных и ресурсных акторов. Экономическая элита представлена рейтингом Forbes «200 богатейших людей России 2018», охватывающим компании частной формы собственности. Топ-менеджеры крупных государственных компаний, таким образом, оказываются в разряде политической элиты.

В словаре Merriam-Webster первое значение термина «национализация» следующее: «придавать национальный характер чему-либо». Но каковы объем и содержание понятия «национальный»? Модель для сборки данного понятия содержит два множества — государство как аппарат и гражданская нация как сконструированное политическое сообщество разных этнических групп по Б. Андерсону. Можно ли говорить о существовании или конструировании согласованного, вобравшего как средняя величина все характеристики генеральной совокупности интереса государства-аппарата и интереса гражданской нации, которые призваны задать вектор интенциям, воле и свободному выбору представителям элит? Ответ на данный вопрос не может ограничиться эмпирическим суммированием и взвешиванием интенций и выборов групп интересов, он предполагает обращение к теориям.

Метатеоретическим подходом, ставящим под сомнение возможность существования общего интереса, является используемый в теории игр принцип транзитивности предпочтений. Попытка выявить общий интерес методом Кондорсе на основе нахождения наибольшего количества предпочтений какого-либо интереса в парных сравнениях с другими интересами в масштабах государства-аппарата или гражданской нации с большой долей вероятности закончится парадоксом Кондорсе, когда в парных сравнениях победитель не выявляется, ранжирование оказывается нетранзитивным [3]. У конкретного актора предпочтения ранжированы транзитивно, а у общности в целом —

нетранзитивно. Основываясь на теоретических постулатах нетранзитивности предпочтений, конкуренции групп интересов, разнообразия «картин мира» и стратегий деятельности у разных социальных групп в форме социальных конструктов [4], габитуса [5], концепции стихийных порядков и каталлактики Ф. фон Хайека [6], можно оспорить существование государственного/национального интереса. За скобками аналитического подхода остается допущение одного из шести условий теоремы К. Эрроу — наличие диктатора, единолично влияющего на ранжирование предпочтений.

Для теоретического осмысления интересов государства-аппарата в современной России можно с некоторыми корректировками использовать концепции Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста о переходе государств ограниченного доступа к государствам открытого доступа. Государства ограниченного доступа характеризуются доминированием личных связей в элитах (нет верховенства права и независимых судов), патрон-клиентскими отношениями (социальные лифты работают по вертикали власти «патрон-клиент»; действует гильдейская система рекрутирования политической элиты), тесной связью представителей элиты с определенной организацией (элитные группировки имеют привилегированный доступ к извлечению ренты в какой-либо сфере), жестким контролем над созданием организаций в любых сферах общества (разрешительный принцип организации, атомизация общества).

Объем ренты определяет количество и стратегию (кооперация-конфликт) элитных групп наподобие механизма минимальной выигрышной коалиции — чтобы победить конкурентов, необходимо сформировать минимальную ресурсную группу, чье решение является обязательным для всех участников игры. Нецелесообразно формировать большую коалицию, поскольку придется делить «выигрыш-ренту» среди большого количества игроков, что минимизирует долю каждого игрока в отдельности. Рента генерируется как значительным публичным сектором экономики, так и патронажем над частным бизнесом. По аналогии с фрактальными свойствами объектов живой и неживой природы, где целое подобно части, рентные, патрон-клиентские отношения политической элиты и бизнеса миниатюризируются от федерального центра и крупного бизнеса через региональную власть и средний бизнес до районного-городского уровня и малого бизнеса. У государства-аппарата в данной концепции существует минимальный

общий интерес в сохранении status quo властных позиций/объемов ренты и максимальный общий интерес в усилении властных позиций/увеличении ренты. Динамика изменений в господствующей коалиции связана с колебанием объема ренты и появлением новых видов рентных ресурсов, которые изменяют баланс сил. П. Бурдые также выводил государственный интерес из рациональности автономного бюрократического аппарата, занятого самовоспроизводством.

Если рассматривать современную российскую «господствующую коалицию» в рамках концепции разьединенных и объединенных элит Дж. Хигли [7], то возникают затруднения при ее классификации — она не соответствует базовым критериям разьединенной, объединенной, консенсусной элиты. Вероятно, инаковость существующих форм экономической, политической, духовной, социальной жизни можно осмысливать через концепт гибрида, который соединяет в себе характеристики таких конструктов, как «конкурентный авторитаризм» М. Миллера, «дефектная демократия» М. Богардса, В. Меркела, «имитационная демократия» Д. Фурмана, «управляемая демократия» И. Крастева, «параконституционный режим» Р. Саквы.

Интерес гражданской нации заполняет большую часть объема понятия «национальный интерес», включая в себя в том числе интерес государства-аппарата и интересы многообразных негосударственных групп, обозначаемых как гражданское общество. Опираясь на положение М. Олсона о большей эффективности малых ресурсных групп по сравнению с большими группами, можно предположить наличие корреляции между интересом государства-аппарата и интересом гражданской нации с большими шансами удовлетворения первого интереса. Синтез концепций биополитики М. Фуко (в определенной степени перекликается с российской версией «сбережения народа» А.И. Солженицына) и «государства всеобщего благосостояния в пределах разумного» (ограничения по ресурсам и рациональности допустимых объемов перераспределения) отражает интерес гражданской нации. Он конкретизируется в политике демографического роста, развития здравоохранения, обеспечения безопасности физической и моральной жизни, создания условий для экономического процветания населения. Российская версия задекларированного в Конституции РФ социального государства воплощается в майских указах Президента 2012 и 2018 гг. как общественный договор элит и массы, государства-аппарата и населения.

Сравнение топ-10 богатейших людей России с топ-10 богатейших людей из стран, обладающих значительными запасами сырьевых ресурсов, по рейтингу Forbes The World Billionaires 2018 дает повод задуматься о моральном обосновании идеи национализации бизнес-элиты России. В первой десятке российских миллиардеров только М. Фридмана можно идентифицировать как представителя несырьевого, неэкспортного бизнеса, хотя ранее он владел пакетом акций ТНК-ВР. Остальные позиции занимают собственники активов металлургической и газовой отрасли. В топ-10 США и Канады нет ни одного представителя сырьевых отраслей, в Австралии и Китае таковых насчитывается по одному, в Бразилии и Мексике — по два. На ведущих позициях в этих странах находятся собственники IT-компаний, производители продовольствия, фармацевтики, оборудования, владельцы ритейловых сетей, инвесторы, банкиры, владельцы недвижимости и строительных империй. Подавляющая часть крупных состояний не унаследована, не получена в ходе приватизации, а создана в рамках одного поколения предпринимателями-инноваторами.

Национальное бюро экономических исследований США (NBER) в 2017 г. опубликовало данные межстрановых сравнений о примерном количестве активов (вклады, ценные бумаги без учета недвижимости) граждан/компаний разных стран, вложенных в офшорные юрисдикции [9]. Россия заняла четвертое место вслед за ОАЭ, Венесуэлой, Саудовской Аравией с показателем офшорных активов 46% от ВВП. По оценке NBER, сверхбогатые россияне держат в иностранных налоговых гаванях до 60% своих активов. Среди стран-убежищ выделяются Швейцария, Кипр, Великобритания, Люксембург. Эксперты NBER заключили, что политический строй страны не является независимой переменной, определяющей отток средств в иностранные юрисдикции, — главную роль играют географический фактор и «специфическая национальная траектория». Систематический вывоз капитала из России можно объяснить не только слабыми гарантиями прав собственности, но и коллективным недоверием политико-экономическим процессам в стране со стороны как крупного/среднего бизнеса, так и части политической элиты.

В последние годы наблюдается общемировая тенденция рассекречивания резидентов офшорных зон («Панамского досье», «Райского досье»). Сами государства предпринимают шаги по снижению привлекательности иностранных офшорных юрисдикций: обмен информацией между странами об

активах и счетах, налоговые амнистии, снижение корпоративных налогов в своей юрисдикции, ограничения для иностранных (офшорных) компаний при работе на внутреннем рынке. В 2014 г. изменения в Налоговый кодекс, кодифицированные в профессиональном сообществе в «закон о контролируемых иностранных компаниях», обязали декларировать принадлежащие российским резидентам иностранные компании и платить налоги с их доходов. В 2015 г. принят Федеральный закон № 140, позволяющий без юридических последствий раскрыть информацию о наличии иностранных активов без указания источников средств для их формирования. Эта амнистия капиталов продлена до 2019 г.

Политические элиты разных стран заинтересованы в максимизации бюджетов, которые являются, с одной стороны, источниками ренты господствующей коалиции, с другой — источником средств для проведения биополитики и финансирования социальных программ. Логика борьбы государства-аппарата с выводом средств в офшоры, практикуемых прежде всего крупным бизнесом, соответствует рациональности бюрократии. Однако в данном вопросе имеется обратная сторона, на которую обратил внимание в исследовании NBER (июль 2018 г.) Хуан Карлос Суарес Сerratо, составивший модель непреднамеренных последствий исключения налоговых гаваней для макроэкономических показателей США [10]. Оставление прибыли в американской юрисдикции приводит к эффекту увеличения бремени корпоративного налога, что сокращает инвестиции и рабочие места, а дополнительные доходы бюджета частично возвращаются в регионы для компенсации проблем недоинвестирования, снижения заработной платы, безработицы. В российской практике деофшоризация может обернуться для национального экономического пространства рядом неоднозначных эффектов: сокращение прямых иностранных инвестиций (основная их часть приходится на офшоры и состоит из ушедших российских денег); тезаврация, долларизация богатства внутри страны (при отсутствии возможностей и высоких рисках реализации новых инвестиционных проектов); добровольно-принудительное перенаправление частных средств в проекты, инициированные господствующей коалицией (как правило, несущих политические, символические выгоды, но экономически не окупающиеся).

Национализация бизнес- и политической элиты может быть проанализирована в рамках концеп-

ции пучка прав собственности А. Оноре, совокупности имущественных состояний собственника (титулов собственности), кодов коммуникации полей взаимодействия. В экономическом и политическом поле ресурсные агенты взаимодействуют посредством коммуникативного кода, «программного языка» габитусов, структурирующих восприятие информации и моделирующих стратегии действий. Коммуникативный код представляет собой описывающий/предписывающий язык собственности поля — отношений людей по поводу вещей и действий. Собственностью экономического поля является экономический капитал в трактовке К. Маркса (самовозрастающая стоимость в форме денежного, производительного, товарного капитала), собственность политического поля — политическая власть (в данном случае непринципиально, понимается власть в рамках секционной, несекционной концепции или теории обмена). Коммуникативный код экономического капитала и политической власти предписывает стратегии простого и расширенного воспроизводства, утрата собственности в форме банкротства или права на легитимное управление маргинализирует агентов либо выводит их из соответствующего поля.

Следуя классификации А. Оноре, можно представить пучок прав собственности экономического капитала и политической власти следующим образом. Право владения (физический контроль над капиталом/должностью); право пользования (личное использование капитала/полномочий); право управления (решения о способах использования капитала/исполнения командно-контрольных действий); право на доход (присвоение выгод от использования капитала/исполнения полномочий); право на «капитальную стоимость вещи» (распоряжение капиталом в форме отчуждения или потребления/передачи полномочий другим субъектам, прекращение полномочий); право на безопасность (невозможность конфискации капитала/узурпации полномочий); право на переход вещи по наследству или по завещанию (наследование капитала/прямое и косвенное наследование власти в виде преемничества); бессрочность (нет сроков существования капитала и власти при возможности смены их собственников); запрет вредного использования (запрет использовать капитал во вред другим/запрет превышать должностные полномочия); ответственность в виде взыскания (изъятие капитала для возмещения долга/лишение или ограничение полномочий); остаточный характер (ожидание от других субъектов возврата

временно делегированных им правомочий над капиталом/возврат полноты полномочий) [11].

Национализация экономического капитала бизнес- и политической элиты может принять форму добровольно-принудительного установления титула собственности путем ограничения правомочия собственника со стороны государства-аппарата. Например, право на доход можно ограничить посредством высокого налогообложения; право на «капитальную стоимость вещи» — оговорками о национальной безопасности, монополизации; запрет вредного использования в мягких формах попадает под санкции экологического законодательства; ответственность в виде взыскания допускает задействование уголовного и гражданского судопроизводства в связи с налоговыми нарушениями или получением необоснованной прибыли от фиктивных сделок. В публичном пространстве представители бизнес-элиты уже делали заявление о готовности отдать в краткосрочной перспективе свое состояние на благотворительность или нужды страны, заплатить компенсационный налог за приватизацию. Со стороны правительства озвучиваются идеи изъятия части сверхдоходов сырьевых экспортеров сверх уплаченных налогов для выполнения инфраструктурных и социальных обещаний.

Автор солидарен с утверждением П. Бурдье о том, что агенты в полях распределяются иерархически в зависимости от объема и сочетания разных типов капитала (разных предметов собственности со своими кодами коммуникации), но остается дискуссионным вопрос о применимости к современной России тезиса о навязывании экономическим полем своей структуры другим полям [12]. В режимах ограниченного доступа господствующая коалиция состоит из коалиции клиентел под руководством представителей политических элит, патронирующих и инкорпорирующих представителей бизнес-элит как ресурсных генераторов ренты.

В отличие от режимов открытого доступа, где публичная политика концептуализируется в плюралистических и сетевых подходах или в неокорпоративных треугольниках «государство–бизнес–профсоюзы», «государство–бизнес–НКО», в режимах ограниченного доступа вырисовывается треугольник «государство–бизнес–население». Метафора Ж. Бодрийара о массах как молчаливом большинстве, «черной дыре», тестируемой в режиме референдума, не менее пригодна для осмысления категории «население» в режиме

ограниченного доступа, нежели для постмодернистского режима открытого доступа. Государство-аппарат публично объявляет национализацию элит, биополитику, отечественную версию социального государства для легитимации власти в глазах населения-массы. По данным опросов ВЦИОМ «Предпринимательство в России: доверие, барьеры и факторы успеха» (октябрь 2017 г.) и индексам доверия политикам, обнаруживается, что население в гораздо большей степени доверяет политикам, а не бизнесменам. Три четверти опрошенных — в качестве работодателей, налогоплательщиков и производителей товаров — признают пользу частного предпринимательства, а две трети россиян не хотели бы заниматься предпринимательством.

Собственность политического поля — «политическая власть» несет иной коммуникативный код, нежели собственность экономического поля — «экономический капитал». Код политического поля на осях «результативность–эффективность» смещен в сторону результативности, тогда как код коммуникации экономического поля не может игнорировать эффективность по определению: чем меньше издержки, тем выше прибыль. В равновесной модели взаимодействие коммуникативных кодов в каждом поле максимизирует выгоды друг друга — игра с положительной суммой. При нарушении равновесия доминирующий код подавляет доминируемый код в форме «экономизации политики» или «политизации экономики» — игра с нулевой суммой. Коммуникативный код политического поля в пространстве экономического поля перепрограммирует его цели, средства, мотивы. Проект национализации бизнес-элит, в частности, несет в себе перспективу вмешательства государства-аппарата в решение вопросов «Что? Как? Для кого производить?».

Бизнес-элита встроена в господствующую коалицию и вместе с политической элитой в 2014 г. оказалась в условиях «новой нормальности», обусловленной падением доходов от экспорта сырья и антироссийскими санкциями. Антироссийские санкции против политиков маркируют риски клиентских бизнес-групп, а санкции против российских бизнесменов возводят их в статус персон «нон грата», сблизжают с господствующей коалицией. Мировой опыт санкций последних 50 лет свидетельствует о том, что за редкими исключениями они не приводили к провозглашенным целям, а, напротив, способствовали консолидации режимов при определенных экономических по-

терях, консервации технологической отсталости, замедлении крупных инвестиционных проектов. Политика антироссийских санкций делает проект национализации бизнес-элит более реалистичным, заставляя крупный частный бизнес, особенно сырьевых экспортеров, искать поддержки господствующей коалиции. В данном контексте принят Федеральный закон № 291 о специальных административных районах, который предполагает перевод активов крупного российского офшорного бизнеса из зарубежных офшоров на острова Русский (Приморье) и Октябрьский (Калининградская область) с сохранением всех преференций нероссийской юрисдикции. Закон создает две островные налоговые гавани, недостижимые для санкционных мер западных стран.

Российская бизнес-элита не борется за пересмотр правил игр в политическом поле, предпочитая при выборе из стратегий «терпи–борись–беги» первую и третью. Стратегическая игра «беги» реализуется в мягком варианте через консенсус с господствующей коалицией, в жестком варианте вывод активов сопровождается уголовными преследованиями и диссидентством беглецов, их публичным отказом от режима ограниченного доступа. Представители российской бизнес-элиты, укореняющиеся за границей, предоставляют «алиби» непричастности к господствующей коалиции или занимают позицию жертвы политических репрессий.

Проект национализации элит носит мобилизационный характер. Начавшись как любой замысел в сознании руководителей господствующей коалиции, законодательно и идейно оформленный государством-аппаратом, он может быть распространен на население в форме проекта «национализации нации». В его рамки укладываются импортозамещение в промышленности, продовольственные контрсанкции, запрет отдыха за границей для отдельных категорий государственных служащих, создание автономной платежной системы, установление государственного или квазигосударственного контроля над российскими социальными сетями, поисковыми системами, мессенджерами, переформатирование информационного пространства СМИ. Перечисленное воспринимается как «новая нормальность». Открывая «окно Овертона», можно ввести в пространство «новой нормальности» следующие меры: добровольно-принудительную продажу населению ОФЗ (займ реиндустриализации), дедолларизацию (от мягких ограничений и разрешительной системы приобре-

тения валюты до запрета на долларовые сделки), политическую цензуру в Интернете (по аналогии с китайским The Golden Shield Project), российскую культурную автономию.

Гипотетический проект «национализация нации», максимально замыкающий производство, распределение, обмен и потребление товаров,

услуг, денег, смыслов в границах национально-го государства, противоречит глобализации, но не представляется логически противоречивым и принципиально нереализуемым. «Большая Европа от Лиссабона до Владивостока» может смениться «Большой Азией от Калининграда до Хошимина».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ; 2017.
2. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Е. Т. Гайдара; 2011.
3. Диксит А., Скит С., Рэйли-мл. Д. Стратегические игры. Доступный учебник по теории игр. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2017.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995. 323 с.
5. Бурдьё П. Структура. Габитус. Практика. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998;1(2):60–70.
6. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., Челябинск: ИРИСЭН; 2016.
7. Хигли Дж. Демократия и элиты. *Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 2006;(2):22–31.
8. Salminen V. Putin — Nezkreslená zpráva o mocném muži a jeho zemi. Praha: Daranus; 2015.
9. Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G. Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality. NBER Working Paper No. 23805. September 2017;2, 3, 13, 18, 27–32.
10. Serrato Juan Carlos Suárez. Unintended Consequences of Eliminating Tax Havens. NBER Working Paper No. 24850. 2018; July:1–6.
11. Honore A.M. Ownership. In: Oxford essays in jurisprudence: a collaborative work. Guest A.G., ed. London: Oxford University Press; 1961:112–128.
12. Расторгуев С.В. Концептуализация отношений акторов политической и экономической сфер. *Власть*. 2016; (7):16–21.
13. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos; 1993.

REFERENCES

1. Lakoff G., Johnsen M. Metaphors we live by. Moscow: LKI; 2017. (In Russ.).
2. North Douglass C., Wallis John Joseph, Weingast Barry R. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; 2011. (In Russ.).
3. Dixit Avinash K., Skeath Susan, Reiley David H. Jr. Games of Strategy. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2017.
4. Berger Peter L., Luckmann Thomas. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
5. Bourdieu P. The Structure. Habitus. Practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1998;2(1):60–70. (In Russ.).
6. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, 2016. (In Russ.).
7. Higley J. Democracy and elites. *Politiya: analiz, khronika, prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*. 2006;(2):22–31. (In Russ.).
8. Salminen Veronika. Putin — Nezkreslená zpráva o mocném muži a jeho zemi. Praha: Daranus; 2015.
9. Alstadsæter Annette, Johannesen Niels, Zucman Gabriel. Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality. NBER Working Paper No. 23805. Sept. 2017.
10. Serrato Juan Carlos Suárez. Unintended Consequences of Eliminating Tax Havens. NBER Working Paper No. 24850. July 2018.
11. Honore A.M. Ownership. In: Oxford essays in jurisprudence: a collaborative work. A. G. Guest, ed. London: Oxford University Press; 1961:112–128.
12. Rastorguev S.V. Conceptualization of relations between political and economic actors. *Vlast'*. 2016;7:16–21.
13. Bourdieu P. Sociology of politics. Moscow: Socio-Logos; 1993:57–58.